

Лит. № 3. 1970, 11 марта и 11

ШИНЕЛЬ НЕ НА ТОМ ПЛЕЧЕ...

ИСТОКИ этой «сенсации», обнародованной журналом «Искусство», не лишены интереса.

Все началось с того, что военный врач И. Шинкаренко обнаружил ошибку в афише «Музыкальная Москва».

На фотографии одной из мизансцен оперы «Пиковая дама» некий гусар был одет не по форме: ментик у него был почему-то наброшен не на левое, как полагалось, а на правое плечо.

Может быть, ошибся костюмер, может быть, перевернули клише, кто знает, но так или иначе И. Шинкаренко тогда-то и подумал о так называемом «вульффертовском» портрете, на котором М. Ю. Лермонтов изображен в шинели, накинутой на правое плечо.

Блестящий гусар, привыкший носить ментик на левом плече, должен был и шинель набрасывать, как ментик, а раз так, решил И. Шинкаренко, то Ираклий Андроников, который утверждает в книге «Рассказы литературоведа», что на портрете, хранившемся в семье Вульффертов, изображен М. Ю. Лермонтов, ошибся.

Очень скоро И. Шинкаренко увидел на портрете в полном собрании сочинений, что Лермонтов иногда накидывал шинель и на правое плечо: есть такой портрет, написанный художником Будкиным. Но И. Шинкаренко убедил себя, что этот случай нетипичный и относится к тому времени, когда Лермонтов был только-только произведен в корнеты, по-современному — младшие лейтенанты, и у него не успел выработаться гусарский стереотип.

Уверенный в своей правоте, И. Шинкаренко пошел дальше. Обложившись томами «Исторического описания одежды и вооружения российских войск», он начал доказывать, что «неизвестный офицер» на «вульффертовском» портрете одет не в форму Гродненского гусарского полка. А Лермонтов служил в Гродненском гусарском полку, и, значит, на портрете совсем не Лермонтов.

Предположим, И. Шинкаренко прав в частностях, но нам — криминалистам — кажется наивным, что важнейшим доказательством принад-

лежности портрета являются не признаки внешности изображенного офицера, а покрой вицмундира, цвет выпушки, фасон эполета... На «вульффертовском» портрете изображен офицер в форме, не имеющей никакого отношения к Гродненскому гусарскому полку по состоянию на 1838 г. А раз так, то исследование И. Андроникова лишается одного из существенных доказательств, и «вульффертовский» портрет не может считаться портретом М. Ю. Лермонтова. Такова логика И. Шинкаренко. Ему неважно, что лицом похож. Важно — мундир не тот. И шинель не на том плече. Такая аргументация кажется нам по крайней мере несерьезной: идентифицируется все-таки не мундир, а лицо.

Надо сказать, что в свое время при атрибуции (установлении тождества) «вульффертовского» портрета И. Андроников обращался за консультацией к криминалисту, и профессор С. Потапов, криминалист с мировым именем, дал заключение: «...доказательный тов. Андрониковым портрет масляными красками представляет собой один из портретов М. Ю. Лермонтова...»

Не будучи профессионалом, оперируя только ссылками на «Историческое описание одежды и вооружения...», Шинкаренко называет заключение профессора Потапова научно не обоснованным. Легкость, с которой делаются подобные заявления, обижает и раздражает. Обидно, когда интеллигентный человек, военный врач, так вот запросто опровергает авторитеты в области, в которой он некомпетентен.

Тут бы и поставить точку, но И. Шинкаренко поддержал криминалист Н. Полевой,

который незадолго до того совместно с Р. Эльбуром открыл новый «научный» метод экспертизы в отличие от старых, «научно не обоснованных», с применением современных способов идентификации личности. В итоге Н. Полевой и И. Шинкаренко опубликовали результаты своих исследований в двух статьях в журнале «Искусство», № 12 за 1968 год: одну статью написал криминалист, другую — военный врач.

Рассматривая «вульффертовский» портрет, авторы «нового метода» хотели произвести сенсацию. Иначе не объяснишь, зачем им понадобилось афишировать еще официально никем не проверенный метод.

На лице «неизвестного офицера» поставили восемь «константных» точек — у наружных и внутренних углов глаз, у углов рта, есть еще так называемая «подносковая точка» и точка «надпереносья».

После этого Н. Полевой получил ломаную линию — «определитель». Этот определитель и используется как графическая характеристика индивидуальных признаков лица

для последующего сравнения с «определителями», полученными на несомненных портретах М. Ю. Лермонтова.

И вот, сопоставив полученные «определители», Н. Полевой пришел к выводу, что «...художник, формировавший рисунок лица на «вульффертовском» портрете, имел в качестве натуры не М. Ю. Лермонтова, а другое лицо», о чем Н. Полевой и написал в своей статье.

Мы считаем, что этот вывод никак нельзя признать правильным и научно обоснованным. Весь приведенный выше «научный аппарат» — на уровне первых уроков начертательной геометрии — у человека сведущего вызывает улыбку.

Откуда это пошло, неизвестно, но с некоторых пор для того, чтобы исследование выглядело солидно и имело наукообразный вид, к нему нужно пристегнуть «математику». Совсем не обязательно настоящую математику, тем более что это трудно. Гораздо проще начертить несколько графиков и смущать наивных гуманитариев, напирая на веселие математических законов.

Только в результате глубокого, тщательного изучения и сравнительного исследования совокупности множества признаков, выражающих индивидуальность внешности, решает эксперт вопрос о наличии или отсутствии тождества. Эту методику можно совершенствовать, но отвергать ее или заменять легковесными псевдонаучными изысканиями с «арифметическим условием» не стоит.

Авторы «метода графических идентификационных алгоритмов» используют в качестве исходных признаков лишь взаиморасположение нескольких, поставленных ими на сравниваемых изображениях, условных точек, Они

считают совокупность их индивидуальной. Но это утверждение убедительно опровергается, например, опытами, проведенными в Институте криминалистики Прокуратуры СССР под руководством известного советского антрополога профессора В. В. Бунака.

Опыты со всей очевидностью показали, что у значительного числа людей, примерно у каждого пятого, наблюдается пространственное совпадение «константных точек». Результаты, полученные нами при контрольных опытах, проведенных на большом количестве фотопортретов, вообще поразительны. Все восемь точек в ряде случаев совпадают даже при сравнении мужских лиц с женскими.

Опыты также свидетельствуют, что точность размерных характеристик и других особенностей внешности на фотокарточках во многом зависит от условий освещения, больше того — от позы, мимики, положения в кадре и т. п. Все эти факторы настолько существенно влияют на соотношения анатомических элементов лица человека, что все они могут на снимке значительно отличаться от натуры. И это на фотоснимках! Что же говорить о живописи!

Любое рисованное изображение (даже копия с картины) неизбежно содержит субъективное, зависящее от многих обстоятельств восприятие художником внешних признаков запечатленного человека и уже хотя бы по этой одной причине не представляет собой объективного материала для отождествления личности подобными, с позволения сказать, математическими методами.

Написали же мы об этом в «Литературную газету» потому, что сегодня услугами криминалистической науки пользуется не только судебная экспертиза, но и многочисленные исследователи в самых различных областях культуры: было бы досадно, если бы увлечение «новым методом» даровало вместо радости находок никому не нужные досадные ошибки.

Я. ПОРХОВСКИЙ,
А. ПЕРЕСУНКИН,
преподаватели
криминалистики